

А. А. Пауткин

МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. apautkin@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ЛЕТОПИСНЫХ ИСТОЧНИКАХ ПОХВАЛЫ ВЛАДИМИРУ ВАСИЛЬКОВИЧУ ВОЛЫНСКОМУ

В статье рассматривается повествование о болезни и смерти Владимира Васильковича и похвала этому князю, читающаяся в Волынской летописи 1289–1290 г. Эта часть южнорусского свода была составлена с использованием различных фрагментов киевского великокняжеского летописания XII в. Целью анализа данного текста является установление источников и возможных причин обращения книжника конца XIII в. к похвалам Ростиславичам, а также определение принципов его работы с летописными источниками.

Ключевые слова: Волынская летопись, Владимир Василькович, Киевская летопись, Ростиславичи, похвала, топка, плач

Вторая часть Галицко-Волынской летописи, затмеваемая уникальным по форме Летописцем Даниила Галицкого, не так часто привлекала к себе внимание исследователей. Волынскую летопись конца XIII в. обычно противопоставляют дружинному по духу повествованию о деяниях Даниила Романовича, отмечая приверженность ее создателей киевской книжной традиции. В историко-литературном отношении самая яркая часть летописи – так называемая повесть о болезни и смерти князя Владимира Васильковича. И. П. Еремин писал, что это повествование принадлежит «к лучшим страницам» летописи «по обстоятельности изложения, знанию мельчайших подробностей, теплоте чувства» [Еремин, с. 111]. Здесь с особой наглядностью предстают пристрастия и методы работы летописателей Владимира-Волынского, которые широко привлекали жанрово неоднородные тексты XI–XII в. Перед нами наглядное свидетельство проявления средневековой поэтики «готового слова». Масштабность этого повествования в значительной степени определяется именно заимствованиями. Особую роль играют не только пространные цитаты из «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона (см. об этом: [Пауткин, 2019]), но и фрагменты киевского великокняжеского летописания второй половины XII столетия. Показательно, что лишь около 30 % общего объема, если учитывать и финальный фрагмент похвалы, посвященный книжным вкладам князя (читается в Хлебниковском списке), представляют собой оригинальный нарративный текст, перемежающийся цитатными слоями различного происхождения.

Д. С. Лихачев отмечал: «В ряде жанров Древней Руси заимствования из произведений своих предшественников являются даже системой работы» [Лихачев, 1983, с. 264]. При создании интересующего нас пространного панегирика последовательно использовались целые блоки из некрологов Ростиславичей (потомков Ростислава Мстиславича Смоленского и Киевского), читающихся в Киевской летописи 1198 г.¹ Это обстоятельство в немалой степени могло повлиять на оценки лингвистами языковой близости Волынской и Киевской летописей (см., например: [Юрьева]).

Еще С. М. Соловьев, приводя плачи и причитания из Волынской летописи, отмечал сходство одного из них с плачем новгородцев по Мстиславу Ростиславичу Храброму. В примечании к третьему тому «Истории России с древнейших времен» он писал: «Значит, для причитаний была одна общая форма» [Соловьев, с. 338]. То есть тогда историк видел в этом сходстве некий жанровый топос, а не осознанное заимствование. Более подробно

¹ А. П. Толочко считает, что Киевский свод, традиционно датируемый концом XII в., был составлен позже – в начале XIII в. (см.: [Толочко]).

основные дословные совпадения представил И. П. Еремин. Не вдаваясь в детальный анализ, он предложил ряд параллельных чтений по некрологам Волынской и Киевской летописей, характеризуя стилевую близость двух памятников [Еремин, с. 113–114].

Уже давно сложилась традиция связывать некрологи Ростислава Мстиславича и его сыновей с именем выдубицкого игумена Моисея. Б. А. Рыбаков видел в нем «летописца Ростиславичей как династии». По его мнению, «именно он позаботился о том, чтобы Киевский свод был снабжен панегирическими некрологами самого Ростислава и его сыновей – Святослава, Романа, Мстислава, Давыда» [Рыбаков, с. 72]. Стилистически близкие периоды текстов, несколько устойчивых формул, на которые указывал еще М. Д. Присёлков [Присёлков, с. 88], действительно, могут свидетельствовать об одной руке их составителя или редактора. Но даже если не атрибутировать эти некрологи настоятелю Выдубицкого монастыря (см. об этом: [Конявская]), приходится признать, что данные тексты приобрели в среде южнорусских книжников репутацию эталонных в литературном отношении.

Вот как выглядит цепь планомерных действий составителя похвального произведения по использованию фрагментов великокняжеского летописания. Первыми заимствованными элементами становятся две предсмертные молитвы Давыда Ростиславича (умер в 1197 г.), вложенные в уста волынского князя: «воздѣвъ роуцѣ свои на н(е)бо. молъшесл...»² и «бесм(е)ртный Б(о)же хвалю тебе...»³. Волынский книжник лишь добавляет, что молится Владимир Василькович «со слезами»⁴. Буквально воспроизводимые молитвословия соседствуют с удивительным по детализации описанием последнего прихода больного князя в храм великомученика Георгия в Любомле: «и вниде во шатарь малыи. идеже ерѣи совлачахоу ризы своа. тоу бо блшеть емоу вбычаи. всегда ставити. и сѣде на столцѣ. зане. не можеше стояти *шт* немочи»⁵. Это, безусловно, свидетельство очевидца, человека, к которому применимо признание древнего печерского летописца: «...быхъ азъ грѣшныи. первое самовидецъ. се же и скажу...»⁶. Здесь же представлена «приписка элегического тона» [Присёлков, с. 88], на которую, как на маркер стилистического единства некрологов Ростиславичей, обращал внимание М. Д. Присёлков: «приложисл ко *шт*цмъ своим и дѣдомъ. *шт*давѣ вбщии долгъ егоже нѣс(ть) оубѣжати всакомоу роженомоу»⁷.

Далее из глубин Киевского свода извлекается фраза: «съ ч(е)стью и съ бл(а)гохвалными пѣс(на)ми. и с кадилы бл(а)гоуханьными»⁸. Так, под 1179 г. говорится о погребении Мстислава Ростиславича. Волынский книжник здесь заменяет эпитет «благоуханный» на «добровоньный»⁹. Затем читаются два плача: плач княгини Романа Ростиславича (умер в 1180 г.), вложенный теперь в уста вдовы Владимира Васильковича, и стенания новгородцев по Мстиславу Ростиславичу¹⁰. В первом усилена эмоциональность звучания: Ольга Романовна «беспрестани плакашесл... слезы *шт* себе изливающи. аки водоу»¹¹. Исходный текст плача Новгородской земли подвергся переработке, подобно тому, как и при цитировании «Слова о Законе и Благодати» вольнянин приспособлял речения Илариона к семейным обстоятельствам своего господина. По Мстиславу Ростиславичу плакали знатные и бедные новгородцы, а также чернецы. Теперь круг горюющих жителей Владимира-Волынского значительно расширен.

² ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Стб. 705.

³ Там же.

⁴ Там же. Стб. 916.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Стб. 201.

⁷ Там же. Стб. 918.

⁸ Там же. Стб. 609.

⁹ Там же. Стб. 919.

¹⁰ Там же. Стб. 610.

¹¹ Там же. Стб. 919.

К ним присоединились не только «моужи и жены и дѣти», но и выходцы из других земель, представители иных народов и конфессий: «Нѣмци. и Соурожьцѣ и Новгородци. и Жидове плакоусл. аки и во взатѣе Иер(уса)л(и)моу. егда ведахоуть ꙗ во полонѣ Вавилоньский»¹². «Лѣпшии мужи», как и в использованном плаче новгородцев, сравнивают усопшего с его дедом («поревновалъ и наслѣдилъ поуть дѣда своего»). Теперь это грозный Роман Мстиславич, применительно к которому неожиданным кажется скопированное утверждение: «створшешоу толикѣю свободу. ꙗкоже и дѣдъ твои Романъ. свободилъ башеть *wt* всихъ вбидъ»¹³. Хотя в поэтической характеристике Романа в Галицкой летописи прежде всего отмечается отношение князя к врагам – половцам, из нее создается, пусть и гиперболизированный, образ в целом весьма жестокого правителя («...сердитъ же быс(ть) ꙗко и рысь. и гоубаше ꙗко и коркодиль...»¹⁴).

В поиске образцов волынский автор погружается в текст Киевской летописи еще глубже. Он не смог пройти мимо изысканных по своей риторике славословий в адрес Андрея Юрьевича Боголюбского – могучего противника Ростиславичей. К концу трагического XIII в. княжеские распри второй половины XII столетия ушли в прошлое и «житийно-панегирический некролог» [Адрианова-Перетц, с. 15–17] виднейшего представителя Мономахова племени понадобился во Владимире-Волынском, где помышляли об установлении церковного почитания Владимира Васильковича. О подобных намерениях говорит завершающий повествование эпизод обретения его нетленных мощей¹⁵.

Используя небольшой отрывок из похвалы Андрею Юрьевичу (со слов «и манастырѣ многи созда...»¹⁶ до слов «...сего ц(а)рства земельно»¹⁷), волынский летописец позволил себе некоторое вмешательство в текст оригинала. Сообразно мозаичной структуре своей компиляции, он убрал свидетельство о ночных молениях князя, убитого заговорщиками. Щедроты Владимира Васильковича тоже будут представлены оригинальным повествованием о раздачах земель и имуществ. Называя своего господина «философом великим», волынский автор не воспользовался здесь сравнением князя с Соломоном, предлагаемым источником. Библейский образ возникнет вскоре, но уже в протяженной цитате из «Слова о Законе и Благодати» Илариона.

Если проследить лишь хронологию обращений к летописи XII в., может создаться неверное впечатление, будто волынский книжник двигался в своей работе вспять по киевскому тексту, механистически заимствуя сначала более близкие по времени фрагменты, а затем погружаясь в глубинные пласты источника. Однако логика его поисков была иной. В материале столетней давности определялись и выписывались необходимые содержательные блоки. Они располагались сообразно замыслу и композиции создаваемой грандиозной компиляции. То есть в каждом из некрологов заимствовался свой конкретный, не повторяющийся в других похвалах элемент (молитва, плач, портрет, похвальное слово и т. д.).

Возможно, составитель принимал во внимание отдельные ситуативные, а также биографические аналогии (например, болезнь князя: «и оуѣ и болезнь крѣпка» – о Мстиславе Ростиславиче¹⁸ или «Г(о)с(под)и призрѣ на немощь мою» – о Давыде¹⁹). Так, Давыд Ростиславич, скончавшийся после болезни на смоленском княжении, передал по духовному завещанию свои

¹² Там же. Стб. 920.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Стб. 716.

¹⁵ Там же. Стб. 927.

¹⁶ Там же. Стб. 583.

¹⁷ Там же. Стб. 584.

¹⁸ Там же. Стб. 609.

¹⁹ Там же. Стб. 705.

владения «сыновцю» – Мстиславу Романовичу²⁰, который до этого какое-то время сидел в Галиче (ср. с передачей Владимиром Васильковичем своих владений двоюродному брату Мстиславу Даниловичу).

Почему составитель воынской похвалы обратился именно к некрологам Ростиславичей? Чем мог определяться подобный выбор? Как известно, дед Владимира Васильковича Роман Мстиславич первым браком был женат на дочери Рюрика Ростиславича Предславе. Но в результате семейной ссоры Роман насильственно постриг не только нелюбимую жену, но и тестя с тещей. Даниил и Василько – дети от второго брака Романа. Их мать – Анна, происхождение которой определяется по косвенным данным противоречиво²¹. Поэтому подобное генеалогическое объяснение несостоятельно.

Мстислав Данилович, который, по словам летописца, «блшеть легосердъ»²², воспринимал своего двоюродного брата Владимира Васильковича как благодетеля. Похвала, да и все повествование о болезни и смерти воынского князя, писались, когда все споры о наследовании и преемственности власти остались в прошлом²³. Если принять во внимание, что Лев и Мстислав Даниловичи по материнской линии правнуки Мстислава Ростиславича Храброго, то можно предположить, что интерес к могущественной династической ветви Ростиславичей актуализировался в угоду новому правителю Владимиро-Воынского княжества.

Владими́ро-Воынский скрипторий при епископах Марке и Евсигнии сохранял какие-то связи со старыми центрами летописания в разгромленном Киеве²⁴. Правители Юго-Западной Руси XIII в. – потомки Всеволода Ярославича, основавшего Выдубицкую обитель. Вспомним, что в драматический момент своей поездки в Орду Даниил Романович останавливался и молился о благополучном исходе этого опасного путешествия именно в Выдубицком монастыре: «и пришед в домъ архистратига Михаила. рекомы Выдобичь и созва калоугеры. и мнские чинь. и рекъ игоумену и всеи братьи. да створать м(о)л(и)твѣ ш немь. и створиша. да *шт Б(ог)* а м(и)л(о)сть полоучить. и быс(ть) тако и падь пред архистратигомъ. Михаиломъ. изииде из манастырл. въ лоды. видл бѣдоу страшную и грозную»²⁵.

Киевская летопись оказалась «хранилищем готовых средств выражения», выполняющих «инструментальную функцию» [Каравашкин, с. 662]. Обращение к своду игумена Моисея указывает не только на определенный характер книжных познаний воынянина, но и на то, что во Владимире-Воынском располагали каким-то списком великокняжеской летописи конца XII в. Возможно, в княжение Мстислава Даниловича и произошло соединение юго-западного летописания с Киевским сводом 1198 г., а похвала Владимиру Васильковичу создавалась в ходе этой сводческой работы. Б. М. Клосс, характеризуя Ипатьевскую летопись в целом, высказал мнение по этому поводу, относя деятельность сводчиков к несколько более раннему времени: «Имеются основания полагать, что соединение... произошло во Владимире-Воынском, при князе Владимире Васильковиче» [Клосс, с. Е]. Подобной деятельности способствовало нарастающее церковно-политическое отдаление юго-запада от Владимиро-Суздальской Руси.

Каждый из компонентов панегирика обилен топосами, восходящими еще к ранним этапам печерского историописания. Это не только словесные формулы, но и смысловые общности. В воынской похвале немало говорится о печалях Владимира Васильковича, обидах,

²⁰ Там же. Стб. 704.

²¹ Разбору гипотез по поводу «княгини Романовой» посвящена глава в книге Н. В. Котляра [Котляр, с. 52–68]. Новые версии предложены А. В. Майоровым (см.: [Майоров, с. 287–409]).

²² ПСРА. Т. 2. Стб. 929.

²³ И. П. Еремин считал, что похвала писалась «уже в начале княжения Мстислава Даниловича» [Еремин, с. 115]. Подобные взгляды на редактирование и дополнение этой части летописи высказывал и А. Н. Насонов [Насонов, с. 234].

²⁴ В обряде отпевания Владимира Васильковича участвовал печерский игумен Агапит (ПСРА. Т. 2. Стб. 919).

²⁵ ПСРА. Т. 2. Стб. 806.

нанесенных ему родственниками. В плаче княгини Ольги Романовны, представляющем собой, как уже отмечалось, заимствованный текст плача вдовы Романа Ростиславича, представлен этот мотив. Данный смысловой топос оформился уже в некрологах «Повести временных лет». Особенно нагляден он в характеристиках перессорившихся сыновей Ярослава Мудрого: «печаль быс(ть) ему. w с(ы)новницих своих»²⁶ – о Всеволоде Ярославиче; «многи напасти приемъ wт людѣи. и wт братья своѣа»²⁷ – об Изяславе Ярославиче. Подобным же образом говорится о невзгодах, постигших Ярополка Изяславича: «многы бѣды приемъ без вины изгонимъ wт брат(ь)а своѣа»²⁸. Слова о нанесенных обидах в летописном тексте могут как принадлежать самому повествователю, так и приписываться родственникам умершего князя, например сыну или вдове, облакаясь в форму прямой речи.

О. В. Творогов справедливо назвал летописную характеристику внешности волынского князя «редчайшим случаем» [Творогов, с. 124]. Конечно, это касается подробности данного фрагмента. Заметим, что широко известная портретная зарисовка распадается на две части. Первая – всецело традиционна и дословно повторяет описание внешности Романа Ростиславича: «Сии же бл(а)говѣрнии князь Володимѣрь. возрастомъ бѣ высокъ. плечима великъ лицемъ красенъ...»²⁹. Подобные начатки словесного портрета представлены уже в «Повести временных лет». Лаконичные формулы несут слишком мало информации, являясь скорее частью идеальной перечислительной характеристики благоверного правителя. Вот некоторые из них: Ростислав Владимирович «възрастомъ же лѣпъ. и красенъ лицемъ»³⁰; Глеб Святославич «взоромъ красенъ»³¹; Изяслав Ярославич «мужъ взоромъ красенъ. тѣломъ великомъ»³². Эти же элементы похвальной топики, формировавшиеся на рубеже XI–XII в., можно заметить и в похвалах Ростиславичам, читающихся в Киевской летописи 1198 г. Так, Мстислав «възрадстомъ. середнии бѣ. и лицемъ лѣпъ»³³; Роман «бѣ возрастомъ высокъ. плечима великъ. лицемъ красенъ»³⁴; Давыд «возрастомъ бѣ середнии. wбразомъ лѣпъ»³⁵.

За константным элементом летописного некролога, почерпнутым из сложившегося фонда топосов, в Волынской летописи следует оригинальное описание, поражающее своей жизненностью: «волосы имѣа желты коудрѣвы. бородоу стригыи. роукы же имѣа красны. и ноги рѣчь же башеть в немъ тольста и оустна исподна добела...»³⁶. Эти слова передают впечатление человека, близко знавшего волынского князя. Ему памятливы даже манера речи и тембр голоса господина. В свое время Д. С. Лихачев, сравнивая данное описание с некрологом ростовского князя Василька Константиновича³⁷, полагал, что оба книжника «писали для вдов своих князей» [Лихачев, 1970, с. 69], которые выступали заказчицами. Действительно, волынский автор внимателен к судьбе Ольги Романовны, однако подобная версия возникновения уникального летописного портрета представляется малоубедительной. Можно лишь констатировать соседство в данном тексте контрастных элементов, имеющих различное происхождение, тогда как характеристика ростовского князя всецело традиционна и бедна портретными деталями («лицемъ красенъ. wчима свѣтель и грозенъ»³⁸).

²⁶ Там же. Стб. 207.

²⁷ Там же. Стб. 193.

²⁸ Там же. Стб. 198.

²⁹ Там же. Стб. 920.

³⁰ Там же. Стб. 155.

³¹ Там же. Стб. 191.

³² Там же. Стб. 193.

³³ Там же. Стб. 610.

³⁴ Там же. Стб. 617.

³⁵ Там же. Стб. 703.

³⁶ Там же. Стб. 920–921.

³⁷ ПСРА. М., 1997. Т. 1. Стб. 467.

³⁸ Там же. Стб. 467.

Говоря о заимствованиях из некрологов Ростиславичей, отметим еще один существенный момент, проливающий свет на характер влияния переводной исторической литературы в заключительной части Волынской летописи. В свое время А. С. Орлов, характеризуя образованность местного летописца, акцентировал внимание на ее оригинальной составляющей «небезсклонности к церковной книжности» [Орлов, с. 121]. Действительно, фактов обращения к переводным текстам не так уж много. Под разными годами встречаются фразы и отдельные словосочетания, восходящие, главным образом, к славянскому переводу «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия (см.: [Пауткин, 1998]). Следы этого популярного в средневековой Европе сочинения исчезают в летописи после 1281 г.

Т. Л. Вилкул обнаружила в Киевской летописи ряд выражений, восходящих к «Александрии Хронографической». Их исследовательница назвала «микрозаимствованиями» [Вилкул, 2008, с. 428], учитывая краткость этих вставок. По ее мнению, на летописные статьи 1170-х годов «приходится больше всего буквальных заимствований из Александрии» [Вилкул, 2010, с. 383]. Встречаются они и в статьях, повествующих о смоленских Ростиславичах. То есть следы влияния «Александрии» заметны и в тех частях Киевского свода, которые в конце XIII в. инкорпорировались в похвалу Владимиру Васильковичу. Так, Т. Л. Вилкул называет плач новгородских мужей по Мстиславу Ростиславичу³⁹ и вторую молитву Давыда Ростиславича⁴⁰ [Вилкул, 2010, с. 386, 390–391]. В отличие от обращений к переводным сочинениям, отмечавшихся исследователями ранее, данные заимствования следует считать вторичными, не отражающими стратегию волынского автора.

Летописный рассказ о болезни и смерти Владимира Васильковича, дополненный целым собранием цитат из произведений XI–XII в. и актуализирующий разновременные источники, – свидетельство стремления искусного автора заявить о себе и, конечно, о своем скриптории как о наследнике угасшей киевской школы. Сознательно были обработаны источники, обладавшие безусловным авторитетом в глазах составителя. Некрологи Ростиславичей стали арсеналом ряда малых форм, необходимых для построения грандиозной похвалы. В ней звучит целый хор голосов южнорусских книжников трех столетий. Возникший под пером волынского летописца текст по-своему завершает и подытоживает целую литературную эпоху. Он явился ранним примером обращения к домонгольскому книжному наследию, тенденции, которая проявится много позже в иных обстоятельствах и географических пределах.

Литература

- Адрианова-Перетц В. П. О реалистических тенденциях в древнерусской литературе (XI–XV вв.) // ТОДРА. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 5–35.
- Вилкул Т. Л. «Литредакция» летописи (о вставках из Александрии Хронографической в Киевском своде XII в.) // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2008. Сб. 13. С. 425–446.
- Вилкул Т. Л. О хронографических источниках Киевского летописного свода // ТОДРА. СПб., 2010. Т. 61. С. 382–397.
- Еремин И. П. Волынская летопись 1289–1290 гг. // ТОДРА. Л., 1957. Т. 13. С. 102–117.
- Каравашкин А. В. Литературный обычай Древней Руси (XI–XVII вв.). М.; СПб., 2018. 720 с.
- Клосс Б. М. Предисловие к изданию 1998 г. // ПСРА. М., 1998. Т. 2. С. Е–N.
- Конявская Е. А. Некрологи Ростиславичам в Ипатьевской летописи // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 4 (70). С. 85–92.
- Котляр Н. Ф. Даниил, князь Галицкий: документальное повествование. СПб., 2008. 320 с.
- Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. 186 с.
- Лихачев Д. С. Текстология. На материале русской литературы X–XVII веков. Л., 1983. 645 с.

³⁹ ПСРА. Т. 2. Стб. 610.

⁴⁰ Там же. Стб. 705–706.

- Майоров А. В. Русь, Византия и Западная Европа: Из истории внешнеполитических и культурных связей XII–XIII вв. СПб., 2011. 801 с.
- Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969. 556 с.
- Орлов А. С. Древнерусская литература XI–XVII веков. СПб., 2014. 428 с.
- Пауткин А. А. Южнорусские летописцы XIII века и переводная историческая литература // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1998. Сб. 9. С. 127–134.
- Пауткин А. А. Волынский летописец XIII в. и риторическое наследие Илариона // Литература Древней Руси: материалы X Всероссийской конференции «Древнерусская литература и ее традиции в литературе Нового времени», посвященной памяти профессора Николая Ивановича Прокофьева. Москва, 6–7 декабря 2018 г. М., 2019. С. 45–58.
- Присёлков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. 280 с.
- Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. 523 с.
- Соловьев С. М. История России с древнейших времен. В 15-ти книгах. М., 1960. Кн. II (Т. 3–4). 783 с.
- Творогов О. В. Из истории словесного портрета в русской литературе XVI в. // Культурное наследие Древней Руси (Истоки. Становление. Традиции). М., 1976. С. 123–127.
- Толочко А. П. О времени создания Киевского свода 1200 г. // Ruthenica. Київ, 2006. Т. 5. С. 73–87.
- Юрьева И. С. Лингвистические параметры стилистических различий между Галицкой и Волынской летописями // Письменность Галицко-Волынского княжества: историко-филологические исследования. Olomouc, 2016. С. 65–77.

References

- Adrianova-Peretts, V. P. O realisticheskikh tendentsiyakh v drevnerusskoi literature (XI–XV vv.) [On Realistic Tendencies in Ancient Russian Literature (11th – 15th Centuries)]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury*. Moscow; Leningrad, 1960. Vol. 16. Pp. 5–35.
- Eremin, I. P. Volynskaya letopis' 1289–1290 gg. [Volyn Chronicle of 1289–1290]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury*. Leningrad, 1957. Vol. 13. Pp. 102–117.
- Karavashkin, A. V. Literaturnyi obychai Drevnei Rusi (XI–XVII vv.) [The Literary Tradition of Old Rus' (11th – 17th Centuries)]. Moscow; Saint Petersburg, 2018. 720 pp.
- Kloss, B. M. Predislovie k izdaniyu 1998 g. [Preface to the 1998 Edition]. In *Polnoe sobranie russkikh letopisei*. Moscow, 1998. Vol. 2. Pp. E–N.
- Konyavskaya, E. L. Nekrologi Rostislavicham v Ipat'evskoi letopisi [The Rostislavichi Obituaries in the Hypatian Chronicle]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2017. No. 4 (70). Pp. 85–92.
- Kotlyar, N. F. Daniil, knyaz' Galitskii: dokumental'noe povestvovanie [Daniel, Prince of Galicia: a Documentary Narrative]. Saint Petersburg, 2008. 320 pp.
- Likhachev, D. S. Chelovek v literature Drevnei Rusi [Man in the Literature of Old Rus']. Moscow, 1970. 186 pp.
- Likhachev, D. S. Tekstologiya. Na materiale russkoi literatury X–XVII vekov [Textual Criticism. On the Material of Russian Literature of the 10th – 17th Centuries]. Leningrad, 1983. 645 pp.
- Maierov, A. V. Rus', Vizantiya i Zapadnaya Evropa: Iz istorii vneshnepoliticheskikh i kul'turnykh svyazei XII–XIII vv. [Rus', Byzantium and Western Europe: From the History of Foreign Policy and Cultural Relations of the 12th – 13th Centuries]. Saint Petersburg, 2011. 801 pp.
- Nasonov, A. N. Istoriya russkogo letopisaniya XI – nachala XVIII veka. Ocherki i issledovaniya [History of Russian Annals of the 11th – the Beginning of the 18th Century. Essays and Research]. Moscow, 1969. 556 pp.
- Orlov, A. S. Drevnerusskaya literatura XI–XVII vekov [Ancient Russian Literature of the 11th – 17th Centuries]. Saint Petersburg, 2014. 428 pp.
- Pautkin, A. A. Yuzhnorusskie letopistsy XIII veka i perevodnaya istoricheskaya literatura [South Russian Chroniclers of the 13th Century and Translated Historical Literature]. In *Germentevitika drevnerusskoi literatury*. Moscow, 1998. Issue 9. Pp. 127–134.
- Pautkin, A. A. Volynskii letopisets XIII v. i ritoricheskoe nasledie Ilariona [Volyn Chronicler of the 13th

- Century and the Rhetorical Legacy of Hilarion]. In *Literatura Drevnei Rusi: materialy X Vserossiiskoi konferentsii "Drevnerusskaya literatura i ee traditsii v literature Novogo vremeni", posvyashchennoi pamyati professora Nikolaya Ivanovicha Prokof'eva*. Moskva, 6–7 dekabrya 2018 g. Moscow, 2019. Pp. 45–58.
- Prisyolkov, M. D. *Istoriya russkogo letopisaniya XI–XV vv.* [History of Russian Annals of the 11th – 15th Centuries]. Saint Petersburg, 1996. 280 pp.
- Rybakov, B. A. *Russkie letopistsy i avtor "Slova o polku Igoreve"* [Russian Chroniclers and the Author of "The Tale of Igor's Campaign"]. Moscow, 1972. 523 pp.
- Solov'ev, S. M. *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen. V 15-ti knigakh* [The History of Russia since Ancient Times. In 15 Books]. Moscow, 1960. Book II (Vol. 3–4). 783 pp.
- Tolochko, A. P. *O vremeni sozdaniya Kievskogo svoda 1200 g.* [About the Time of Creation of the Kiev Corpus of 1200]. In *Ruthenica*. Kyiv, 2006. Vol. 5. Pp. 73–87.
- Tvorogov, O. V. *Iz istorii slovesnogo portreta v russkoi literature XVI v.* [From the History of Verbal Portraiture in Russian Literature of the 16th Century]. In *Kul'turnoe nasledie Drevnei Rusi (Istoki. Stanovlenie. Traditsii)*. Moscow, 1976. Pp. 123–127.
- Vilkul, T. L. "Litredaktsiya" letopisi (o vstavkakh iz Aleksandrii Khronograficheskoi v Kievskom svode XII v.) ["Litredaktion" of the Chronicle (about Inserts from Alexandria Chronographic in the Kiev Corpus of the 12th Century)]. In *Germenevtika drevnerusskoi literatury*. Moscow, 2008. Issue 13. Pp. 425–446.
- Vilkul, T. L. *O khronograficheskikh istochnikakh Kievskogo letopisnogo svoda* [About Chronographic Sources of the Kiev Chronicle Corpus]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury*. Saint Petersburg, 2010. Vol. 61. Pp. 382–397.
- Yur'eva, I. S. *Lingvisticheskie parametry stilisticheskikh razlichii mezhdru Galitskoi i Volynskoi letopisyami* [Linguistic Parameters of Stylistic Differences between the Galician and Volyn Chronicles]. In *Pis'mennost' Galitsko-Volynskogo knyazhestva: istoriko-filologicheskie issledovaniya*. Olomouc, 2016. Pp. 65–77.

Alexey A. Pautkin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ON THE QUESTION OF CHRONICLE SOURCES
OF THE OBITUARY PRAISE TO VLADIMIR VASILKOVICH VOLYNSKY

The article discusses the story of the illness and death of Vladimir Vasilkovich and obituary of this Prince, contained in the Volynian Chronicle of 1289–1290. This part of the South Rus Chronicles was compiled using various fragments of the Kiev Grand-Ducal chronicle of the 12th century. The purpose of the analysis of this text is to establish the sources and possible reasons why the chronicler of the end of the 13th century referred to obituary praises of Princes Rostislaviches, as well as to define the principles of his work with the chronicle sources.

Keywords: Volynian Chronicle, Vladimir Vasilkovich, Kiev Chronicle, Rostislaviches, obituary, topic, crying

